

УДК 324, 323.15

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ В ЛАТВИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ЭФФЕКТ¹

© 2023 ЖИРНОВА Лидия Сергеевна*

Научный сотрудник Центра пространственного анализа
международных отношений ИМИ МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

*E-mail: l.zhirnova@inno.mgimo.ru

Поступила в редакцию 03.09.2022

После доработки 05.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье проанализирован пространственный эффект в проявлении этнического фактора в электоральной системе Латвии на парламентских выборах 2011, 2014 и 2018 гг. Корреляция электоральной поддержки с долей русских в самоуправлении характерна для партий «Согласие» и «Русский союз Латвии», опирающихся на русскоязычный электорат. При анализе локальных индикаторов пространственной автокорреляции результатов партий выявлены кластеры соседства регионов с их высокой поддержкой в Латгалии и с низкой поддержкой в Курземе. Очертания этих кластеров слабо меняются от цикла к циклу. При электоральном районировании Латвии методом пространственно ограниченной иерархической кластеризации на базе результатов всех парламентских партий выделяется кластер, объединяющий регионы в латвийско-российском и латвийско-белорусском приграничье. Эта линия размежевания является наиболее глубокой не только в латвийском контексте, но и по сравнению с электоральными расколами в 11 странах, граничащих с Россией.

Ключевые слова: пространственный анализ, электоральная география, Латвия, Латгалия, русские, этнолингвистический раскол, выборы, партии, электоральное районирование.

DOI: 10.31857/S020170832302016X

EDN: ovzbnq

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10004.

Латвия – яркий пример этнически гетерогенного общества в современной Европе. Крупнейшее этническое меньшинство – русские, но в социологических исследованиях часто используется более инклюзивная категория «русскоязычные», т. к. языковой фактор для многих постсоветских меньшинств более релевантный, чем этническая принадлежность. В 2021 г. русскоязычные составляли более трети населения Латвии¹, но чуть более четверти граждан.² Значительная часть меньшинства остается негражданами и не имеет права голоса.

Доля русскоязычного электората искусственно ограничивается, однако этнический фактор остается определяющим для латвийских выборов. Партии условно можно разделить на русские и латышские. Последние не готовы сотрудничать с первыми на национальном уровне. Показателен пример социал-демократической партии «Согласие», которая неоднократно побеждала на выборах, но не допускалась к формированию правящей коалиции. Ее попытки привлечь латышских избирателей не привели к успеху, однако некоторые малые латышские партии популистского толка смогли привлечь часть русскоязычного электората за счет лозунгов межнационального примирения [Жирнова, 2022: 152–153].

Роль русских в электоральной системе Латвии неоднократно становилась предметом изучения. Математические методы пространственного анализа на базе геоинформационных систем позволяют проверить и детализировать выводы, сформулированные ранее с помощью других методик. Цель статьи – уточнить роль этнического фактора в электоральной системе Латвии за счет анализа его пространственных характеристик. Для этого при помощи инструментария геоинформационной системы *GeoDa* оценивается эффект соседства в голосовании за партии «Согласие» и «Русский союз Латвии» (РСЛ), опирающиеся преимущественно на русскоязычный электорат; рассчитывается корреляция и пространственная автокорреляция их поддержки с долей русских в самоуправлениях; проверяется, насколько выявленные линии размежевания проявляются при электоральном районировании Латвии на базе результатов всех парламентских партий.

Хронологические рамки исследования охватывают три электоральных цикла: парламентские выборы 2011, 2014 и 2018 гг.³ Для анализа этнического фактора используются данные по доле русских в 119 самоуправлениях в 2019 г. на основе сведений Центрального статистического управления Латвии⁴. Решено остановиться именно на доле русских, а не русскоязычных, поскольку последние данные по язы-

¹ Iedzīvotāju skaits un īpatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā. Centrālā statistikas pārvalde. URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/tabulas/ire060-iedzivotaju-skaits-un-ipatsvars-pec> (дата обращения: 30.09.2021)

² 60,8 % Latvijas iedzīvotāju dzimtā valoda ir latviešu. Centrālā statistikas pārvalde. URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/meklet-tema/2747-608-latvijas-iedzivotaju-dzimta-valoda-ir-latviesu> (дата обращения: 30.09.2021)

³ По данным ЦИК Латвии. URL: <https://www.cvk.lv/lv/velesanas/saeimas-velesanas> (дата обращения 29.08.2022)

⁴ Iedzīvotāju skaits un īpatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā. Centrālā statistikas pārvalde. URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/tabulas/ire060-iedzivotaju-skaits-un-ipatsvars-pec> (дата обращения: 30.09.2021)

ковому составу населения в разбивке по регионам доступны только за 2011 г. и не учитывают депопуляционные тенденции последнего десятилетия, которые неравномерно затронули русских и латышей.

Особенности латвийской партийно-политической системы

При анализе латвийской партийно-политической системы следует учитывать, что традиционное разделение на левые и правые партии в Латвии неактуально. Оно трансформируется под воздействием этнолингвистического раскола и настороженного отношения в латышском политическом мейнстриме к левой политической повестке, что обусловлено взглядом на советский опыт. В итоге разделение на левые и правые партии определяется принадлежностью к латышским или русским партиям. Первые, как правило, характеризуются как правые или правоцентристские, а вторые – как левые или левоцентристские [Ikstens, Balceris, 2019: 258]. Русские партии, на протяжении практически всего периода независимости остававшиеся в оппозиции, ассоциируются не с альтернативной программой социально-экономического развития, а с пророссийской ориентацией [Воротников, 2018: 85].

С одной стороны, партийная система отражает этнолингвистическое размежевание в латвийском обществе, с другой – сами партии усугубляют его, активно используя лозунги этнической борьбы в работе с избирателями [Zera, Šūpule, 2006: 36]. Наибольший рост национализма наблюдается перед выборами как в среде национальных меньшинств, так и латышского большинства [Nakai, 2018: 214]. Как показали на латвийском материале М. Хигашиима и Р. Накай, партии этнического характера стимулируют этническую идентификацию как у собственных избирателей, так и у других групп [Higashijima, Nakai, 2016].

В пользу того, что острое этническое противостояние во внутренней политике обусловлено внутренней логикой межпартийного взаимодействия, говорит тот факт, что в неполитических сферах латыши и не латыши сосуществуют мирно и поддерживают большое число горизонтальных связей [Bennich-Björkman, Johansson, 2012]. Различия между этнолингвистическими общинами в Латвии весьма значительны, однако именно конфликтный характер этнолингвистический раскол приобретает из-за усилий политиков. Вероятно, поэтому латышским националистам не удалось возложить вину за экономический кризис 2008–2009 гг. на русскоязычных и избиратели отдали предпочтение партиям, выдвигавшим лозунги борьбы с экономическими проблемами без этнической окраски [Bloom, 2012: 175–176].

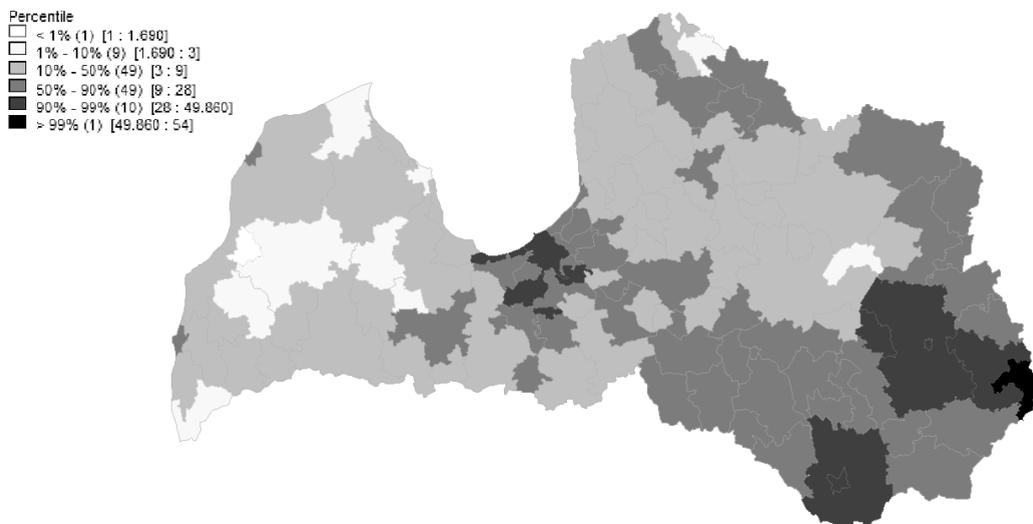
В начале 2010-х гг. латвийский политолог Ю. Розенвалдс отмечал тенденцию к большему допуску представителей национальных меньшинств к управлению государством, тем более партии, опирающиеся на русскоязычный электорат, стали дистанцироваться от Москвы [Розенвалдс, 2012: 160]. Этот процесс он обозначил как дегерметизацию латышской политической элиты. Однако после неудачи референдума о предоставлении русскому языку статуса второго государственного стало понятно, что это предположение не оправдалось [Ijabs, 2016: 308–309]. Этнолингвистический раскол только обострился, и в преамбулу Конституции внесли поло-

жение о примате латышского языка и культуры. Геополитическая обстановка в рассматриваемых электоральных циклах только накалялась. На этом фоне латышские партии выступали против допуска партии «Согласие» в правительство, несмотря на ее высокие результаты на выборах.

Этнолингвистический раскол остается ключевым для политической системы: результаты партий в региональном разрезе соответствуют схеме расселения русскоязычных. Партии, опирающиеся на русскоязычный электорат, получают больше голосов в Риге и других крупных городах, а в сельских регионах их результаты слабее, за исключением латгальских сельских самоуправлений ближе к границе с Россией и Беларусью, где преобладает нелатышское население [Солопенко, 2014: 30]. Латгалия обладает рядом специфических черт: социальных (высокая доля нелатышского населения и наибольшие темпы депопуляции), политических (высокий процент поддержки русских партий и отличное от остальной страны голосование о статусе русского языка в 2012 г.), экономических (сильное отставание в экономическом развитии). Эти особенности определяют статус Латгалии как внутреннего Другого в национальном строительстве Латвии¹. Исторически близость Латгалии к России и Беларуси повлияла на этнический состав и электоральную специфику региона. Однако нарастания поддержки условных русских партий в регионе по мере приближения к границе не наблюдается. Намного большее значение имеет этнолингвистический состав муниципалитета и личность выдвигаемых кандидатов [Paiders, Paiders, 2014].

Рисунок 1

Картограмма перцентилей по доле русских в регионах Латвии

Источник: составлено автором по данным ЦСУ Латвии.

¹ О значимости внутреннего Другого в формировании национальной идентичности см.: [Джонсон, Коулман, 2012: 110]

Пространственный эффект в голосовании за русские партии: этнический фактор

Рассмотрим этнический фактор в голосовании за партии «Согласие» и «Русский союз Латвии» и проанализируем, как в этой связи проявляется пространственный эффект. РСЛ однозначно позиционирует себя как русская партия. За «Согласие» и центристов также преимущественно голосует русский электорат, причем ей несколько раз удалось собрать больше всех голосов латвийцев.

Для выявления влияния этнического фактора на голосование использован коэффициент детерминации R^2 , который показывает, насколько распределение поддержки партий совпадает с географией расселения русских. Во всех рассматриваемых электоральных циклах показатели РСЛ и «Согласия» в разбивке по регионам демонстрировали высокий уровень корреляции с долей русского населения.

Большая корреляция с долей русских в самоуправлениях наблюдается у «Согласия». В 2014 г. (коэффициент детерминации 0,871) она практически удвоилась по сравнению с 2011 г. (0,441), а в 2018 г. (0,869) осталась примерно на том же уровне, что и в 2014 г. Корреляция доли русских с результатами РСЛ оставалась достаточно высокой, но год от года снижалась: 0,777 в 2011 г., 0,660 в 2014 г. и 0,608 в 2018 г.

Пространственная автокорреляция наблюдается в случае обеих партий. Индекс Морана I показывает, с какой вероятностью высокий уровень голосования за определенную партию в регионе будет сочетаться с высоким уровнем ее поддержки в соседних муниципалитетах, и наоборот. Во всех трех электоральных циклах индекс Морана I по результатам партии «Согласие» показывал умеренную положительную корреляцию (0,600 в 2011 г., 0,586 в 2014 г. и 0,584 в 2018 г.).

Пространственная автокорреляция результатов РСЛ ниже: индекс Морана I составляет 0,406 в 2011 г., 0,394 в 2014 г. и 0,362 в 2018 г., т. е. эффект соседства в голосовании за Русский союз Латвии выражен меньше, чем в голосовании за «Согласие». Это свидетельствует о более спорадическом расселении сторонников первой, что негативно отражается на ее способности обеспечить функционирование большого числа жизнеспособных региональных отделений.

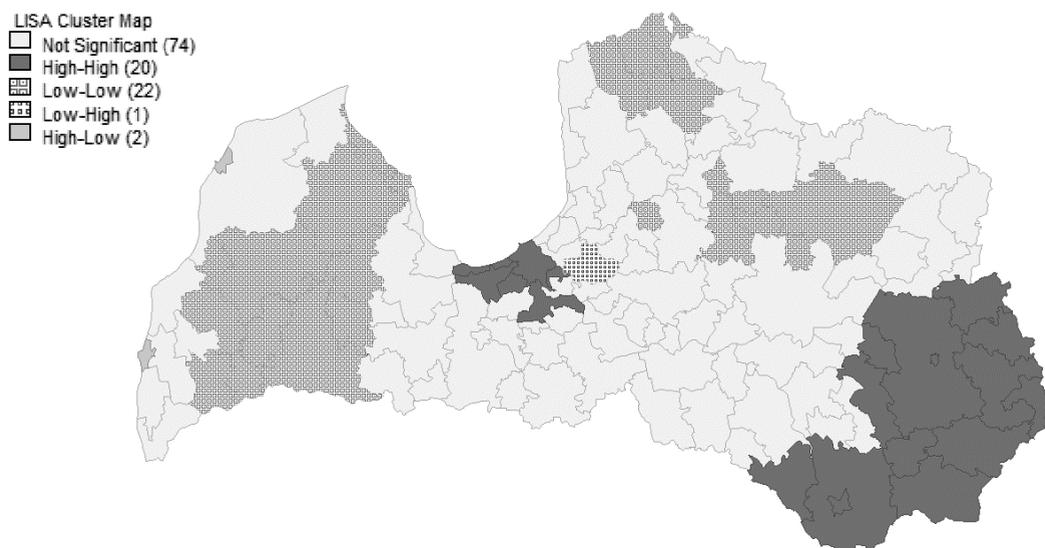
Индекс Морана I фиксирует пространственную автокорреляцию в среднем по всем регионам, а картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции (*LISA*) указывает на отдельные кластеры, в которых эффект соседства работает (кластеры высоких значений в регионе и у соседей – *high-high*; кластеры низких значений в регионе и у соседей – *low-low*) и в которых он опровергается (кластеры, где высокие значения показателя в регионе сочетаются с низкими у соседей – *high-low*; кластеры, где низкие значения показателя сочетаются с высокими значениями в соседних самоуправлениях – *low-high*).

Поскольку пространственная автокорреляция для результатов «Согласия» выше, и эта партия набирает значительно больше голосов, рассмотрим картограммы локальных индикаторов пространственной автокорреляции по ее результатам. В трех электоральных циклах выявлены два устойчивых пространственных кластера

с высокой значимостью: первый кластер с высокой поддержкой партии в Латгалии, второй – с низкой поддержкой в Курземе. В 2014 и 2018 гг. к ним добавляются три кластера, характеризующиеся меньшей значимостью: кластер с высокой популярностью «Согласия» в районе Риги и Юрмалы и два кластера с низкой поддержкой партии в Видземе (район Гулбене и Цесиса, а также район Мазсалацы и Руйиены).

Рисунок 2

Картограмма локальных индикаторов пространственной автокорреляции по результатам «Согласия» на парламентских выборах 2014 г.

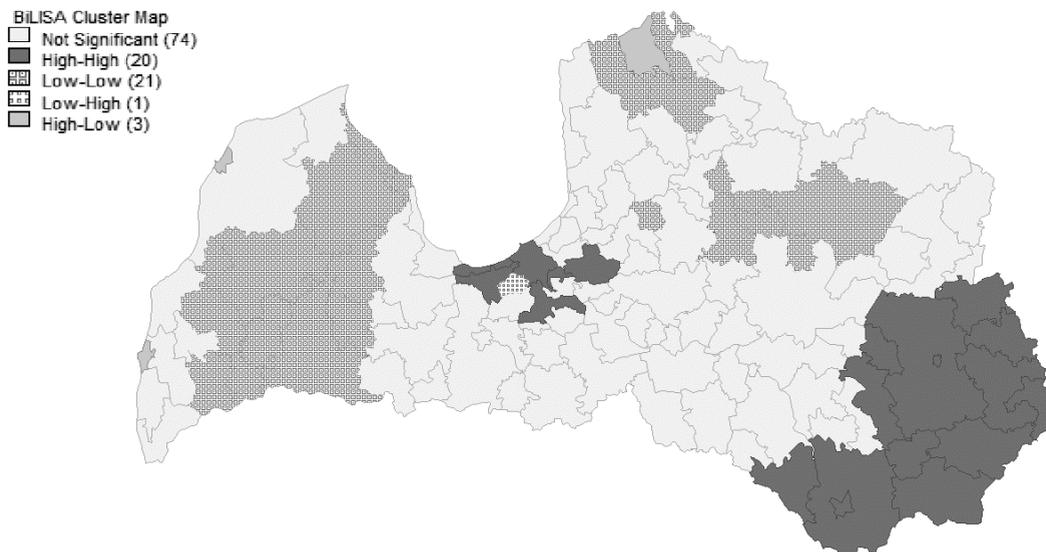

Источник: составлено автором по данным ЦИК Латвии.

Для анализа влияния этнического фактора на голосование за «Согласие» использован двухфакторный индекс Морана и картограмма двухфакторной пространственной автокорреляции. Они показывают, с какой вероятностью высокое значение одного показателя в самоуправлении сочетается с высоким значением другого показателя в соседних регионах, и наоборот. Во всех рассматриваемых электоральных циклах двухфакторный индекс Морана фиксирует умеренную положительную связь между долей русских и долей проголосовавших за «Согласие» (0,381 в 2011 г., 0,530 в 2014 г., 0,521 в 2018 г.). Методика выявляет практически те же кластеры, что и однофакторный анализ по результатам «Согласия»: проявляется кластер высоких значений в Латгалии и кластер низких значений в Курземе, а в 2014 и 2018 гг. отображены два кластера низких значений в Видземе и один кластер высоких значений в районе Риги и Юрмалы.

Рисунок 3

Картограмма двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции по доле русских в регионе и доле проголосовавших за «Согласие» в соседних регионах в 2014 г.

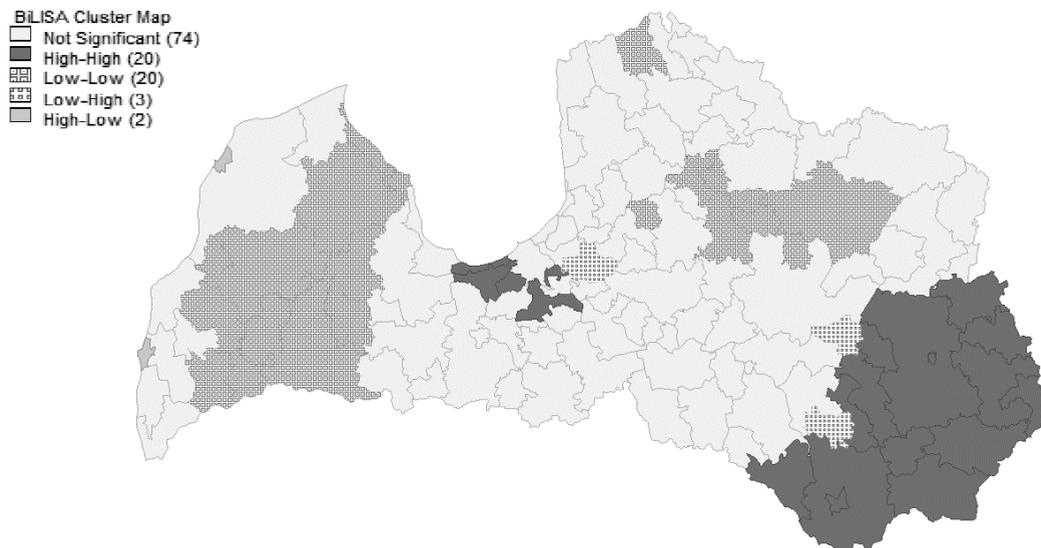

Источник: составлено автором по данным ЦИК Латвии.

Если рассматривать уровень электоральной поддержки «Согласия» в регионе и долю русских в соседних самоуправлениях, показатели индекса Морана в трех электоральных циклах оказываются несколько выше, чем в случае доли русских в регионе и поддержки партии в соседних регионах, но все равно находятся в умеренных значениях: 0,428 в 2011 г., 0,055 в 2014 г. и 0,546 в 2018 г. Картограмма двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции между поддержкой «Согласия» в регионе и долей русских в соседних регионах фиксирует примерно такие же кластеры, что и в случае с долей русских в регионе и результатами партии в соседних муниципалитетах.

Для РСЛ также характерны кластеры высокой поддержки в Латгалии и кластеры низкой поддержки в Курземе. В обоих случаях пространственная автокорреляция также наблюдается при расчете с учетом доли русских в регионе.

Рисунок 4

Картограмма двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции между поддержкой «Согласия» в регионе и долей русских в соседних регионах за 2014 г.

Источник: составлено автором по данным ЦИК Латвии.

Электоральное районирование Латвии методом пространственно ограниченной иерархической кластеризации

Электоральное районирование позволяет представить разделение страны на регионы с учетом неоднородности электорального поведения и поддержки разных партий. В статье обобщены данные по голосованию в трех электоральных циклах за все парламентские партии и РСЛ. Программа *Geoda* позволяет провести электоральное районирование методом пространственно ограниченной иерархической кластеризации (*Spatially Constrained Hierarchical Clustering, SCHC*)¹ – агломеративной кластеризации с дополнительным ограничением в виде требования общих границ у элементов одного кластера.

Метод позволяет последовательно разделить изучаемую страну на возрастающее число кластеров и выделить регионы, наиболее отличные от остальных по электоральному поведению. Если задать деление на два кластера, наиболее отличными от остальных будут приграничные муниципалитеты Латгалии, которые ха-

¹ Luc Anselin. *Spatially Constrained Clustering – Hierarchical Methods*. GeoDa: An Introduction to Spatial Data Science. 21.11.2020. URL: https://geodacenter.github.io/workbook/9c_spatial3/lab9c.html#:~:text=Spatially%20constrained%20hierarchical%20clustering%20is,imposed%20on%20classic%20clustering%20algorithms. (дата обращения: 29.08.2022)

рактируются высокой долей русскоязычного населения и зачастую попадали в кластеры высоких значений по итогам автокорреляционного анализа голосования за русские партии (города Даугавпилс и Резекне, Вилянский, Дагдский, Зилупский, Краславский, Лудзенский, Резекненский, Илукстский, Даугавпилский края).

Рисунок 5

Картограмма электоральных кластеров в Латвии, выделенных методом пространственно ограниченной иерархической кластеризации (деление на два кластера)

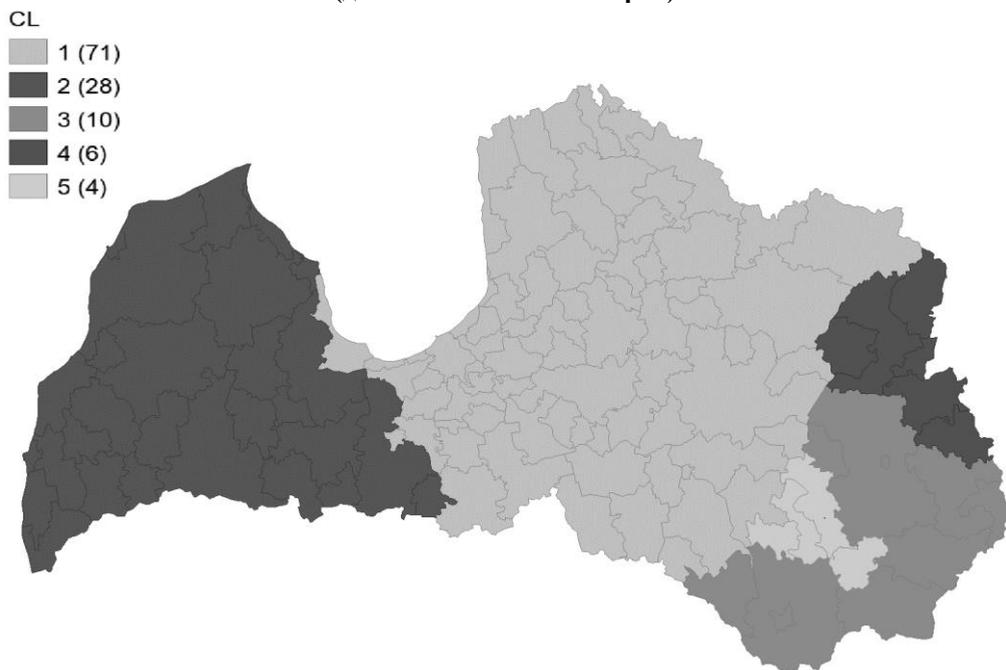

Источник: составлено автором по данным ЦИК Латвии.

При выделении трех кластеров наряду с латгальскими самоуправлениями обособляются самоуправления Курземе и большая часть самоуправлений Видземе. Именно здесь фиксировались наиболее устойчивые кластеры соседства с низким уровнем поддержки русских партий. При увеличении числа кластеров до четырех и пяти обособляются муниципалитеты Латгалии сначала на севере региона (Ругайский, Карсавский, Балтинавский, Балвский, Вилякский и Циблский края), а затем в его центральной части (Прейльский, Риебиньский, Варкавский и Аглонский края). Дальнейшее деление на цельные кластеры указанным методом невозможно.

Рисунок 6

Картограмма электоральных кластеров в Латвии, выделенных методом пространственно ограниченной иерархической кластеризации (деление на пять кластеров)

Источник: составлено автором по данным ЦИК Латвии.

Метод *SCHC* подчеркивает электоральную специфику Латгалии, которая выделяется не только в контексте Латвии. При анализе результатов¹ парламентских выборов за последние четыре электоральных цикла в 11 странах, граничащих с Россией (Норвегия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Беларусь, Украина, Грузия, Казахстан, Монголия), метод фиксирует, что указанная линия размежевания является наиболее сильной среди всех территориальных электоральных разломов. При делении общего электорального ландшафта на 11 кластеров по числу стран массив разбивается в соответствии с границами стран, что объяснимо их разнородной партийно-политической системой и электоральной историей. Если задать деление на 12 кластеров, оформится кластер в Латгалии как наиболее отличный по сравнению с электоральными расколами в других анализируемых государствах.

¹ На основе базы, собранной ЦПАМО ИМИ по данным ЦИК соответствующих стран. База представлена на сайте МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/upload/2021/10/Electoral%20preferences%20in%20bordering%20states.zip> (дата обращения: 29.08.2022)

Выводы и перспективы

Этнолингвистический раскол остается ключевым для латвийской политической системы: результаты партий совпадают со схемой расселения русскоязычных и латышей. В особенности такое распределение характерно для русских партий Латвии. Однако эффект соседства в голосовании за «Русский союз Латвии» менее выражен, чем в поддержке «Согласия», что говорит о более спорадическом расселении сторонников РСЛ и ограничивает возможности партии увеличить число активных региональных отделений. То же касается корреляции и пространственной автокорреляции с долей русских в самоуправлениях: у «Согласия» она выше. Для обеих партий характерны пространственные кластеры высокой поддержки в Латгалии и низкой поддержки в Курземе. Именно они отличались наибольшей статистической значимостью и устойчивостью на протяжении рассмотренных электоральных циклов.

Глубину линии размежевания с восточными регионами Латгалии, населенными преимущественно русскоязычными, подтвердил анализ базы электоральной статистики по 11 странам, граничащим с Россией.

Статистика прошедших 1 октября 2022 г. выборов в Сейм Латвии не включена в исследование, однако можно заключить, что минувшее голосование в целом подтверждает указанные тенденции, в особенности электоральную специфику Латгалии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Джонсон К., Коулман А. (2012) Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей. *Культурная и гуманитарная география*. Т. 2. № 2. С. 107–125.

Жирнова Л. С. (2022) Региональные тенденции электоральной поддержки латвийских партий: фактор соседства. *Балтийский регион*. Т. 14, № 1. С. 138–158. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-1-9.

Розенвалдс Ю. (2012) Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства. *Сравнительная политика*. № 3(3(9)). С. 149–161. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-149-161](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-149-161)

Солопенко А.В. (2014) *Электоральное поведение жителей Латвии на парламентских выборах 1993–2011 гг.* LAP Lambert Academic Publishing, Германия. 52 с.

Bennich-Björkman L., Johansson K. (2012) Explaining moderation in nationalism: Divergent trajectories of national conservative parties in Estonia and Latvia. *Comparative European Politics*. No. 10. P. 585–607. DOI: <https://doi.org/10.1057/cep.2011.28>

Bloom S. (2012) Does a Nationalist Card Make for a Weak Hand? Economic Decline and Shared Pain. *Political Research Quarterly*. No. 65(1). P. 166–178. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912910388187>

Higashijima M., Nakai R. (2016) Elections, Ethnic Parties, and Ethnic Identification in New Democracies: Evidence from the Baltic States. *Studies in Comparative International Development*, No. 51. P. 124–146. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12116-015-9187-1>

Ijabs I. (2016) After the Referendum: Militant Democracy and Nation-Building in Latvia. *East European Politics and Societies*. Vol. 30. Issue 2. P. 288–314. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325415593630>

Ikstens J., Balceris I. (2019) Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity. *Coalition Governance in Central Eastern Europe*. Eds. G. Ilonszki, T. Bergman, W. C. Muller. Oxford University Press, UK. P. 252–302. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198844372.001.0001>

Nakai R. (2018) Does Electoral Proximity Enhance National Pride? Evidence from Monthly Surveys in a Multi-ethnic Society – Latvia. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. P. 198–220. DOI: <https://doi.org/10.1111/sena.12285>

Paideris J., Paideris J. (2014) EU border proximity effect on political choice in parliamentary elections of Latvia. *Regional Formation and Development Studies*. DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/rfds.v9i1.59>

Zepa B., Šūpule I. (2006) Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord. *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*. Ed. Nils Muižnieks. Latvijas Universitāte, Riga, Latvia. P. 33–40.

Ethnic Factor in Electoral Behavior in Latvia: Spatial Effect

L.S. Zhirnova*

Research fellow at the Center for Spatial Analysis in International Relations

IIS, MGIMO University

76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

*E-mail: l.zhirnova@inno.mgimo.ru

Abstract. The article analyses the way the spatial effect is reflected in the ethnic voting in Latvia at the parliamentary elections of 2011, 2014 and 2018. The study reveals that the electoral support of both parties relying on Russian-speaking voters correlates with the share of Russians living in a municipality. However, in case of Social Democratic Party "Harmony" the correlation is higher than that of the Latvian Russian Union. The local indicators of spatial association display neighborhood clusters of high support of these parties in Latgale and those of low support in Kurzeme. The shape of these clusters does not change considerably from one electoral cycle to another. Municipalities with primarily non-Latvian population in Eastern Latgale close to the border with Russia and Belarus differ in their electoral behavior the most. Electoral zoning of Latvia by the method of spatially constrained hierarchical clustering based on the results of all parliamentary parties first and foremost indicates the cluster close to the border of Latvia with Russia and Belarus. Moreover, the cleavage in electoral behavior between these Latgalian municipalities and other Latvian regions appears to be the strongest not only in the Latvian context, but in comparison with electoral cleavages in eleven other countries bordering Russia.

Key words: spatial analysis, electoral geography, Latvia, Latgale, Russians, ethnic cleavage, elections, parties, electoral zoning.

DOI: 10.31857/S020170832302016X

EDN: ovzbnq

REFERENCES

- Bennich-Björkman L., Johansson K. (2012) Explaining moderation in nationalism: Divergent trajectories of national conservative parties in Estonia and Latvia, *Comparative European Politics*, 10, pp. 585–607. DOI: <https://doi.org/10.1057/cep.2011.28>
- Bloom S. (2012) Does a Nationalist Card Make for a Weak Hand? Economic Decline and Shared Pain, *Political Research Quarterly*, 65(1), pp. 166–178. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912910388187>
- Higashijima M., Nakai R. (2016) Elections, Ethnic Parties, and Ethnic Identification in New Democracies: Evidence from the Baltic States, *Studies in Comparative International Development*, 51, pp. 124–146. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12116-015-9187-1>
- Ijabs I. (2016) After the Referendum: Militant Democracy and Nation-Building in Latvia, *East European Politics and Societies*, 30(2), pp. 288–314. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325415593630>
- Ikstens J., Balcere I. (2019) Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity, in Ilonszki G., Bergman T., Muller W.C. (ed.) *Coalition Governance in Central Eastern Europe*. Oxford University Press, UK, pp. 252–302. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198844372.001.0001>
- Johnson C., Coleman A. (2012) Vnutrennij «Drugojj»: dialektičeskie vzaimosvjazi mezhdru konstruirovaniem regional'nykh i nacional'nyj identičnostej [The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship Between Regional Exclusion and the Construction of National Identity], *Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija*. 2(2), pp. 107–125. (In Russian).
- Nakai R. (2018) Does Electoral Proximity Enhance National Pride? Evidence from Monthly Surveys in a Multi-ethnic Society – Latvia, *Studies in Ethnicity and Nationalism*, pp. 198–220. DOI: <https://doi.org/10.1111/sena.12285>
- Paiders J., Paiders J. (2014) EU border proximity effect on political choice in parliamentary elections of Latvia, *Regional Formation and Development Studies*. DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/rfds.v9i1.59>
- Rozenvalds J. (2012) Problema «(de)germetizacii» političeskoj jelity Latvii i Estonii: perspektivy russkojazyčnogo men'shinstva. [(De)germetization of the Political Elite in Latvia and Estonia: the Prospects of the Russian-speaking Minority], *Sravnitel'naja politika*, 3(3(9)), pp. 149–161. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3\(9\)-149-161](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2012-3-3(9)-149-161). (In Russian).
- Solopenko A.V. (2014) *Jeletoral'noe povedenie zhitelej Latvii na parlamentskih vyborah 1993-2011 gg.* [Latvians' Electoral Behaviour at the Parliamentary Elections in 1993-2011]. LAP Lambert Academic Publishing, Germany, 52 p. (In Russian).
- Zepa B., Šūpule I. (2006) Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord, in Muižnieks N. (ed.) *Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions*, Latvijas Universitāte, Riga, Latvia, pp. 33–40.
- Zhirnova L.S. (2022) Regional'nye tendencii jeletoral'noj podderzhki latvijskih partij: faktor soosedstva [Regional Trends in Electoral Support for Latvian Parties: Neighbourhood Effect], *Baltic Region*, 14(1), pp.138–158. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-1-9. (In Russian).